

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Волгоград, Россия, пр. им. В.И. Ленина, д. 27

Деструктивность относится к числу фундаментальных дискурсивных категорий, которые играют значительную роль в организации коммуникативного взаимодействия и определяют прагматику дискурса; ее изучение способствует пониманию некоторых механизмов и принципов коммуникации, а также идентификации стратегий и тактик, используемых деструктивной коммуникативной личностью. Актуальность настоящего исследования определяется нарастающими проявлениями агрессивности в различных типах дискурса и, соответственно, необходимостью расширения знаний о деструктивном поведении коммуникативной личности. Исследование базируется на теории дискурс-анализа и теории деструктивности (Z. Harris, T. van Dijk, A. Buss, E. Fromm, D. Ponton, K. Hacker, R. Wodak, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Е.И. Шейгал и др.). Развивая теорию деструктивности Э. Фромма (1973), авторы уточняют понятие деструктивности по отношению к политическому дискурсу и соотносят его с родственным понятием агрессивности. В статье на материале отрывков из выступлений кандидатов на пост президента 2016 г. анализируется категория деструктивности в современном политическом дискурсе США. Особое внимание уделяется доминирующей деструктивной интенции — нанести вред репутации оппонента и уменьшить его политические шансы, а также функциям вербальной агрессии: с одной стороны, дискредитировать оппонента, с другой, настроить аудиторию против него/нее и вызвать у аудитории ощущение опасности, исходящей от политического оппонента. Проводится анализ вербальных и невербальных средств выражения деструктивности в политическом дискурсе США. Делается вывод о том, что оскорбительные реплики политиков — результат не спонтанного эмоционального всплеска, а тщательно продуманной деструктивной стратегии, в которой агональная природа политического дискурса стимулирует использование средств инструментальной агрессии (Басс, 1971) ради борьбы за власть, понижения статуса оппонента и ухудшения его публичного имиджа.

Ключевые слова: политический дискурс, деструктивность, агрессия, деструктивное общение, дискурсивная стратегия, дискурсивная категория

1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время серьезные изменения в жизни общества и функционировании языка, процессы трансформации и гибридации речевых жанров позволяют констатировать, что изучение дискурса приобретает особую ценность. С исследованием дискурса связано появление новых областей изучения, в частности, когнитивно-дискурсивной парадигмы, а также анализа дискурсивных категорий, позволяющего глубже осмыслить механизмы и принципы коммуникации. К числу фундаментальных дискурсивных категорий, определяющих прагматику дискурса, обнаруживаемых в различных типах дискурса и разнообразных речевых жанрах, относится деструктивность.

Поскольку дискурсивные категории как элементы коммуникативного сознания на сегодняшний день практически не изучены, анализ их реализации позво-

ляет говорить о теоретической значимости и научной новизне представленного исследования. Кроме того, в коммуникативном взаимодействии, наряду с провозглашенным П. Грайсом (Grice, 1975) принципом кооперации, нередко соседствует принцип соперничества (Земская, 1988), играющий значимую роль в политическом дискурсе, который, будучи агональным по своей природе (Шейгал, 2000), генетически связан с проявлениями деструктивности.

Цель данной статьи — проанализировать специфику реализации дискурсивной категории деструктивности в политическом дискурсе, выделив совокупность вербальных и невербальных средств ее объективации. Анализ реализации деструктивности проводится на материале современного политического дискурса США, используются отрывки из дебатов и предвыборных речей кандидатов на пост президента Д. Трампа и Х. Клинтон.

Выявление механизма реализации дискурсивной категории «деструктивность» в процессе политической коммуникации опирается на теоретические положения и научные исследования зарубежных и отечественных лингвистов, посвященные дискурс-анализу, теории дискурса и политическому дискурсу, теории деструктивности (А. Buss, P. Chilton, van Dijk, C. Ilie, E. Fromm, D. Ponton, K. Hacker, Z. Harris, G. Weiss, R. Wodak, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.).

Обобщению теоретически значимых положений дискурс-анализа в их корреляции с поставленными в настоящем исследовании задачами посвящен следующий раздел, призванный также выделить параметры, которые релевантны для дискурс-анализа категории деструктивности, реализуемой в политическом дискурсе.

2. ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

2.1. Понятие «дискурс» и дискурс-анализ

Прочно закрепившийся в конце XX в. в научной практике термин «дискурс», фиксирующий тем самым интерес лингвистов к устной коммуникации, является сегодня привлекательным для современных зарубежных и отечественных ученых объектом исследования. По сей день самым популярным в отечественной лингвистике определением остается предложенная Н.Д. Арутюновой лаконичная трактовка дискурса как текста, погруженного в жизнь (Арутюнова, 1998), которой вторят В.И. Карасик (текст в ситуации общения [2002]) и Г.Н. Манаенко (смысловое взаимодействие, погруженное в социально-культурные условия [2008: 325]), т.е. понятие «дискурс» определяется как связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Хотя, как признают Г. Вайс и Р. Водак, 'In the English-speaking world, 'discourse' is often used for both written and oral texts' (Weiss, Wodak, 2003: 13).

Неоднородность и многогранность дискурса породила его многочисленные трактовки, разработанные зарубежными и отечественными лингвистами, обзор и систематизация которых позволяет ученым (см., например, Е.В. Якимович

[2007], Т.Г. Добросклонская [2014]) выделить несколько ключевых подходов к его определению — структурного (учитывающего ситуативный контекст и экстралингвистические факторы), функционального (демонстрирующего взаимосвязь с различными сферами человеческой деятельности — научной, политической, педагогической и т.д.), тематического (обозначающего отрезки коммуникации, которые выделяются на базе сходства отдельных характеристик, например, авторства (дискурс писателя), тематики (террористический дискурс) и др.).

Введенное З. Харрисом в середине XX в. понятие дискурс-анализа (Harris, 1952) стимулировало появление самостоятельного научного направления, которое сложилось в 1980-е гг. на базе теории речевых актов, прагмалингвистики, лингвистики текста, семиотики и пр., получило дальнейшее развитие в трудах многих отечественных лингвистов.

По мнению исследователей, основной задачей дискурс-анализа в политической коммуникации (Political Linguistic Discourse Analysis) — вскрыть механизм сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением (Hacker, 1996: 51).

В лингвистических работах, посвященных анализу политического дискурса, выделяются два основных подхода: дескриптивный и критический (Chilton, 1994). Дескриптивный подход фокусирует внимание на риторическом анализе публичных выступлений, в рамках данного подхода выполняются исследования языковых средств, риторических приемов и манипулятивных стратегий, используемых политиками в целях убеждения; подвергаются анализу содержание политических текстов, при этом позиция исследователя при описании феноменов политической коммуникации остается нейтральной. «В зарубежной политической лингвистике сосуществует множество вариантов дескриптивного анализа политического дискурса, представляющих собой набор методик и подходов, объединяемых по принципу „фамильного сходства“» (Будаев, Чудинов, 2008).

При критическом подходе особое внимание уделяется социальному, гендерному и этническому неравенству, интерес исследователей сосредоточен на анализе фактов злоупотребления властью, которые находят выражение в языке или дискурсе. ‘CDA (Critical Discourse Analysis) takes a particular interest in the relationship between language and power. The term ‘CDA’ is used nowadays to refer more specifically to the critical linguistic approach of scholars who find the larger discursive unit of text to be the basic unit of communication’. ... ‘CDA often chooses the perspective of those who suffer and critically analyses the language use of those in power; those who are responsible for the existence of inequalities and who also have the means and the opportunity to improve conditions’ (Weiss, Wodak, 2003: 12—14).

Принимая во внимание факт, что дискурс-анализ «представляет собой обширную группу разнообразных по своей сути, лингвистически ориентированных подходов» (Леонтович, 2011: 105), методологическую актуальность приобретает выработка специфических процедур анализа разнообразных типов дискурсов. В задачи настоящего исследования, в частности, входит формулирование принципов и выделение параметров дискурсивного анализа деструктивности применительно к политическому дискурсу. Для этого, не останавливаясь подробно на рассмотре-

нии существующих, порой сильно отличающихся друг от друга подходов и предлагаемых методик, сконцентрируем внимание на тех ключевых моментах, которые будут выступать параметрами дискурс-анализа категории деструктивности.

2.2. Методика и материал исследования

Поиск единицы дискурс-анализа, безусловно, всегда мотивирован конкретными целями исследования. Одной из основных дискурсивных и дискурсообразующих единиц принято считать понятие *речевое событие / коммуникативное событие*. Оно обладает свойством выделенности из потока происходящего, наличием причины, временной протяженностью, трактуется как тип взаимодействия, которому присущи обязательная пространственная и темпоральная локализация, приписывается идея регулярности, повторяемости структуры, выделяются участники и границы события, обстановка, тема, правила взаимодействия (Дубровская, 1999). К единицам членения дискурса также относится *речевой жанр*, вступающий с коммуникативным событием в различные отношения: тождества (один речевой жанр может полностью покрывать определенное коммуникативное событие), включения (речевой жанр может выступать как часть данного события) или пересечения (речевой жанр может входить в разные коммуникативные события) (Hymes, 1977).

Политический дискурс представляет собой сложное многомерное образование, в пространстве которого для нашего исследования представляют интерес институциональные (публичные) жанры со следующими существенными признаками: массовый гетерогенный адресат, общественно-значимая ориентация содержания коммуникации, особый социальный статус говорящего, обладающего «правом на речь», его профессионально-речевые навыки.

Анализ категории деструктивности в данном исследовании осуществляется на материале прототипных жанров институциональной политической коммуникации, в качестве основных единиц анализа выступают публичные политические дискуссии/дебаты (статусно-индексальное общение на уровне «политик — политик»), которые, вслед за Т. ван Дейком, мы относим к числу сложных коммуникативных событий (ван Дейк, 1994) и публичные выступления, речи политических лидеров (статусно-индексальное общение на уровне «политик — общество» / «политик — большие социальные группы»), рассматриваемые нами как жанр.

Интенциональная база политического дискурса концентрируется вокруг основной коммуникативной цели — борьбы за власть, агональный характер политического дискурса, в свою очередь, накладывает отпечаток на выбор стратегии и тактики коммуникативного взаимодействия. С точки зрения выделяемой Е.И. Шейгал (Шейгал, 2000) базовой семиотической триады «интеграция — ориентация — агональность» данные коммуникативные события и жанры по характеру ведущей интенции относятся к агональным жанрам.

К категориям дискурс-анализа, которые могут служить его критериями, М.Л. Макаров среди прочего относит коммуникативную стратегию, метакоммуникацию и дейксис дискурса (Макаров, 2003).

Поскольку дискурсивная категория понимается нами как единство структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвис-

тических и паралингвистических средств его выражения и непосредственно связана с выбором коммуникативной личностью базовой целеустановки, стратегии и тактики коммуникативного поведения (Панченко, 2010), то для дискурс-анализа категории деструктивности, реализуемой в политическом дискурсе, основополагающую роль будут играть коммуникативные стратегии и тактики говорящего, мотивационно-интенциональная база его коммуникативного поведения. Не менее важными факторами для анализа деструктивности нам представляются следующие:

— участники коммуникативного взаимодействия (включая статусно-ролевые характеристики, эмоциональное состояние в момент коммуникации, степень близости отношений и пр.);

— хронотоп (взаимосвязь социально значимого места общения и времени события);

— тип речевого взаимодействия (монолог, диалог, полилог), наличие/отсутствие наблюдателя, форма коммуникации (прямая/непрямая) и т.д.;

— соотношение эмоционального/рационального компонентов в ситуации общения, эмотивная экологичность высказывания.

Выбор инструментов анализа обусловлен эмпирическим материалом: используются видеозаписи общей продолжительностью 739 минут (речь Х. Клинтон и публичные выступления Д. Трампа, включая официальное объявление о намерении баллотироваться в президенты США, речи перед избирателями в разных штатах Америки, участие в дебатах с членами Республиканской партии) с последующим транскрибированием вербальной составляющей и фиксацией невербальных компонентов, сопровождающих акт общения. Примеры содержат ссылку на дату выступления.

3. ДЕСТРУКТИВНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

3.1. Понятие «деструктивность»

В современной науке деструктивность рассматривается как характеристика особого типа человеческой деятельности — деструктивной деятельности, которая проявлялась на всех этапах развития человечества. Деструктивная деятельность определяется как «специфически человеческая форма активного отношения к миру, основное содержание которой составляет разрушение существующих объектов и систем» (Лысак, 1999: 5).

Деструктивность неразрывно связана с понятием агрессии. Все существующие теории агрессии (см. обзор работ З. Фрейда, К. Лоренца, И. Эйбл-Эйбесфельдта, Н. Тинбергена, А. Басса, Л. Берковица, А. Бандуры, Р. Велдера и др., представленные в [Волкова, 2014]), так или иначе сталкиваясь с многообразием форм и причин агрессии, не смогли внести полную ясность в толкование данного понятия. Впервые это сделал немецкий психолог и психоаналитик Э. Фромм, которому и принадлежит заслуга введения в научный обиход термина «деструктивность».

Главная идея Э. Фромма состоит в том, что объяснение жестокости и деструктивности человека следует искать не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков: необходимо строго различать доброкачественную агрессию, т.е. агрессию «биологически адаптивную, способствующую поддержанию жизни», от «злокачественной агрессии, не связанной с сохранением жизни» (Фромм, 1994: 163). Если доброкачественная агрессия есть реакция на угрозу витальным интересам индивида, которая заложена в филогенезе, свойственна как животным, так и людям и возникает спонтанно как реакция на угрозу, то деструктивность характеризуется полностью противоположными качествами, т.е. не является защитой от нападения или угрозы, не заложена в филогенезе, не свойственна животным, носит осознанный характер. «В основе злокачественной агрессивности не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека» (Фромм, 1994: 21).

Очевидно, что различия между агрессией и деструктивностью значительны. Агрессия, реализуемая на пути удовлетворения человеком своих потребностей, исчезает, как только цель достигнута. Деструктивность же ненасытна. Мы разделяем точку зрения Э. Фромма, что деструктивность не является врожденным человеческим инстинктом и теория врожденной агрессивности и деструктивности избавляет человечество от задачи поиска причин роста деструктивности в современной мире, «успокаивает нас и заявляет, что даже если все мы должны погибнуть, то мы, по меньшей мере, можем утешать себя тем, что судьба наша обусловлена самой „природой“ человека и что все идет именно так, как и должно было идти» (Там же).

Действительно, рассматривая, например, политический дискурс, проще и легче рационализировать деструктивное коммуникативное поведение политика природной вспыльчивостью, филогенетически заложенным агрессивным инстинктом, нежели нежеланием контролировать свои эмоции и/или сознательным нарушением коммуникативных норм.

Анализируя мотивы агрессии, А. Басс разграничивает гневную и инструментальную (хладнокровную) агрессию, вызванную намерением победить соперника в соревновании или стремлением заполучить нечто, чем обладает другой индивид (Buss, 1971: 10). Нам представляется, что данное противопоставление частично коррелирует с дифференциацией понятий агрессии и деструктивности.

Несмотря на то, что «доброкачественная» (оборонительная) агрессия, нейрофизиологический механизм которой сходен у животных и человека, является фактором биологической адаптации, Э. Фромм отмечает важнейший факт: у человека агрессия проявляется гораздо сильнее, чем у животного.

В.И. Добренков высказал мнение о том, что современная гуманитарная наука не дает бесспорного перечня витальных интересов человека. Это чрезвычайно важный вопрос, так как «защита витальных интересов» есть критерий различения доброкачественной и злокачественной агрессии. Например, потребности в свободе и самоактуализации, в психическом комфорте и социальном успехе, в уважении,

признании, любви и в сохранении своей системы ценностей относятся к витальным интересам личности, а значит, их защита является примером доброкачественной агрессии (Добренков, 2006: 94). С другой стороны, для человека не является жизненно необходимым иметь три квартиры или машины, видеть врага в каждом, кто исповедует отличные от него взгляды, оскорблять и унижать того, кто выражает противоположную точку зрения, но он это делает с завидной регулярностью, рассматривая свои действия как защиту своих витальных интересов.

Мы полагаем, что часть изначально доброкачественных агрессивных проявлений в человеческом обществе трансформируется в деструктивные, и именно на этих, изначально доброкачественных проявлениях агрессии, лежит ответственность за большинство деструктивных действий в современном обществе.

Резюмируя, отметим, что, несмотря на схожесть внешних проявлений, агрессия и деструктивность представляют собой явления разной природы. В отличие от естественной, «доброкачественной» агрессии, которая свойственна всем представителям животного мира, деструктивность есть сложный феномен, свойственный только человеку. Одним из возможных каналов проявления деструктивности является общение — самый распространенный вид человеческой деятельности.

3.2. Понятие «деструктивное общение»

Основной постулат деструктивного общения — «я хозяин положения, а мой собеседник — жертва, и причинить ей боль любыми способами — доблесть». В современной «жизненной философии» именно такой тип общения поощряется новыми социальными нормами, и есть все основания полагать, что деструктивное общение отвоевывает все более значительные позиции во всех без исключения сферах человеческой коммуникации, в том числе и в политической.

В теории коммуникации термин «деструктивное общение» трактуется весьма широко: это «формы и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения» (Куницына и др., 2001: 271). В качестве примеров приводятся манипулятивное общение, авторитарный стиль, распад и осложнение отношений по вине партнера вследствие патологической ревности, зависти, нарциссизма. Деструктивным характером может обладать даже молчание, если оно принимает форму наказания партнера, а также умолчание.

В основе деструктивного общения, по мнению авторов, может лежать немало личностных черт: лицемерие, хитрость, склонность к клевете, мстительность, язвительность, цинизм, ханжество и т.д. Такое общение не обязательно преследует личную материальную выгоду. Личность в таком общении может руководствоваться неосознаваемыми мотивами самоутверждения, злорадства, мести, соперничества и т.д. К деструктивному общению относят не только агрессивно-конфликтное и криминогенное общение, но и ложь, обман, манипулирование и «другие формы воздействия, направляемые корыстными мотивами» (Куницына и др., 2001: 280).

На наш взгляд, само понимание корыстности мотивов допускает неоднозначное толкование, манипулирование же охватывает широкий круг понятий (в том числе и ложь/обман) и является скорее общей стратегией поведения, нежели

конкретным проявлением разрушительности. Изучение языка лжи представляет собой отдельное исследование (Панченко, 2010), в котором вранье, обман не всегда деструктивны. Известные выражения «ложь во благо», «ложь во спасение» служат небольшой иллюстрацией к данному тезису.

Итак, что же мы вкладываем в понятие деструктивного общения? Прежде всего, необходимо вернуться к пониманию деструктивности Э. Фромма. Деструктивный — это не просто синоним слова ‘разрушительный’. Деструктивный, по нашему мнению, означает ‘сознательно совершающий агрессивные действия с целью причинить страдания другому индивиду, при этом не чувствуя угрызений совести и получая удовлетворение от совершенных деяний’. Таким образом, деструктивное общение представляет собой тип общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты.

4. ДИСКУРС-АНАЛИЗ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

4.1. Специфика реализации деструктивности в политическом дискурсе

Специфика проявлений деструктивности в политическом дискурсе предопределяется сущностными признаками данного типа дискурса, а именно его мотивационно-интенциональной направленностью (борьба за власть) и доминированием манипулятивной функции. Деструктивная интенция направлена на ниспровержение оппонента и/или понижение его политического статуса.

Оба кандидата на пост президента США предоставили массу примеров реализации деструктивности в политической коммуникации, однако бесспорным лидером в этом отношении является Д. Трамп. На основе анализа практического материала выделим ключевые моменты реализации деструктивной интенции в выступлениях Д. Трампа.

Стратегия положительной самопрезентации, реализующаяся в паре с негативной презентацией политического соперника и «работающая» в конечном итоге на дисфемизацию его отрицательных характеристик, в выступлениях Д. Трампа предельно и откровенно гиперболизирована. Проявление ее можно наблюдать в высказываниях, демонстрирующих высокомерие и превосходство, граничащее с бахвальством. Подобному восприятию во многом способствует частотность употребления конструкций с личным местоимением I, как, например, в следующих примерах:

- (1) *I look presidential ... Most people like me* (8-6-16).
- (2) *I've always had a talent* (6-22-16).
- (3) *I'm the only person running for the presidency who understands this* (4-27-16).
- (4) *My financial statement is so strong* (3-3-16).

Деструктивность высокомерия Д. Трампа «просвечивает» и в невербальном поведении, например, реплика в адрес М. Ромни: *I could have said Mitt drop to*

your knees сопровождается директивным жестом указательного пальца правой руки вниз, напоминающим поведение императора по отношению к слугам (3-3-16).

В публичных выступлениях Д. Трамп деструктивность реализуется в огромном количестве критических высказываний, как адресованных непосредственным участникам дискуссии: *Marco is not a negotiator / I watched him melt down and I'll tell you it was one of the saddest things I've ever seen ... You're not a negotiator / you'll never bring peace* (GOP debate, 2-25-16), так и направленных на политические фигуры, не участвующие в данном коммуникативном событии (так называемая критика «за глаза»). Мишенями подобных атак становятся:

а) непосредственный политический конкурент:

(5) *Hillary Clinton has perfected the politics of personal profit and even theft ... we don't need or want another Clinton or Obama / we just can't take it any more ... The most corrupt person* (6-22-16);

(6) *Hillary Clinton and her campaign of fear will try to spread the lie that these actions will start a trade war* (6-28-16);

б) члены Республиканской партии

(7) *Mitt (Romney) is a failed candidate / he failed / he failed / horribly.... He ran a horrible campaign ... he was horrible in the 3d debates / horrible ... the 2d (о попытке выборов) was a great catastrophe* (3-3-16);

(8) *(Romney) incompetent, nasty guy ... (Rubio) you're a joker and we don't want jokers in our administration ... (Romney) he's never going to win* (2-26-16);

в) конкретные репортеры / СМИ в целом

(9) *The media is among the most dishonest groups of people I've ever met ... The NY Times is one of the dishonest outlets I've ever seen in my life* [2-26-16];

г) действующий президент и его администрация

(10) *I'm not a fan of Barack Obama ... These people are such liars ... stupidity of the U.S. ... we are going to get rid of Obamacare and we are going to repeal and replace it* (3-3-16).

(11) *Obama is totally incompetent ... inept president ... Horrible and incompetent group that we have in Washington / They're absolutely terrible / it doesn't get worse / it can't get worse* (8-6-16).

(12) *President Obama has weakened our military ... logic was replaced by foolishness* (4-27-16).

Как видно из приведенных выше примеров, для реализации деструктивности характерны обвинительный характер высказываний, разная степень интенсивности критики — от резкой до злобной, превалирование отрицательной оценочности.

С одной стороны, Д. Трамп предстает как некий критик-правдолюб, который открыто и нелюбезно обвиняет в некомпетентности, коррупции, бездействии и т.д., демонстрируя при этом прямолинейность, категоричность и безапелляционность:

(13) *She should not be president on any circumstances ... (Clinton) may be the most corrupted person ever to seek the presidency of US* (6-22-16).

С другой стороны, обвинительный характер его выступлений не всегда связан с наличием фактов, а напоминает некорректный демагогический прием «переход на личности», нацеленный на дискредитацию политического соперника:

(14) *Mitt was looking for zoning 49 car garage or something in California* (3-3-16).

(15) *He (Obama) plays more golf than professionals* (8-6-16).

(16) *We have Kerry that goes on bicycle races / he's in bicycle race / he's 73 years old / 73 years old! / And I said it the last time I spoke / I swear to you I will never enter a bicycle race if I'm president* (8-26-15).

(17) *Obama is going to be out playing golf / He might be on one of my courses / I would invite him / I actually would say / I have the best courses in the world / so I'd say / you what / if he wants to / I have one right next to the White House / right on the Potomac* (6-22-16).

Следует отметить, что содержащиеся в речах Д. Трампа негативные оценки в адрес действующего президента и политических противников соотносятся преимущественно с концептуальным полем «ложь» (*Lie / liar, false, deceptive, cheating, to rig, to steal*):

(18) *and when the president lies / which is a perfect lie / just as he lied on Obamacare ...* (8-6-16).

(19) *she is unbalanced ... she is a dangerous liar ... she is not a winner ... false statements of Clinton* (8-6-16).

(20) *(Clinton) as you know / Most people know / she is a world-class liar* (6-22-16).

Оскорбительная семантика усиливается за счет свойственных для стиля кандидата стилистических приемов — многократных лексических повторов: *She is a horrible horrible human being* (8-6-16), анафорических повторов и клаймакса:

(21) *How are these people gonna lead us / How are we gonna / how are we gonna go back and make it great again? / We can't / They don't have a clue / **They** can't lead us / **They** can't / **They can't even answer simple questions** / It was terrible* (6-16-15).

(22) *it's virtually **useless** / It's virtually **useless** / **It is a disaster*** (6-16-15).

(23) ***We will lose jobs / we will lose employment / we will lose taxes / we will lose everything / we will lose our country*** (6-22-16).

Менее оскорбительным по форме, но отнюдь не по содержанию является апеллирующее к интеллектуальной сфере обвинение, сформулированное в виде риторического вопроса:

(24) *But all of these politicians that I'm running against now / they're trying to disassociate / I mean / you looked at Bush / it took him five days to answer the question on Iraq / He couldn't answer the question / He didn't know / I said / **Is he intelligent?*** (6-16-15).

Деструктивная интенция объективируется также в тональности пренебрежения и презрения, унижающей достоинство политического соперника: *This is what we're going to have as president* (указывая на М. Рубио, стоящего справа [GOP debate, 2-25-16]). Иронизирующая интонация: *if she (Clinton) ever became president / God help us* (6-22-16) также служит иллюстрацией деструктивности.

Кроме того, на реализацию стратегии деструктивного поведения работают следующие коммуникативные приемы:

— прямые оскорбления — *She took a little short circuit in the brain* (оскорбительное высказывание, адресованное Х. Клинтон, сопровождается характерным жестом «палец у виска» [8-6-16]); *When you (М. Ромни) walk into a stage you cannot walk like a penguin / he walks like a penguin* (2-26-16);

— оскорбительные ярлыки и прозвища — так называемые транспонированные знаки агрессии (Шейгал, 2000). К подобным ярлыкам относятся неполитические пейоративы, например, *John Kasich — dummy; Karl Rove — irrelevant clown; an establishment dope*; а также оскорбительные прозвища с инвективной функцией *Crooked Hillary; low energy, loser* (Jeb Bush) и многие др.;

— намеки неприличного содержания в адрес журналистки *Megyn Kelly (blood coming out of her wherever)*; в ответ на высказывание М. Рубио (демонстрируя руки публики) *are they small? / and he referred to my hands / if they are small something else must be small / I guarantee you /there's no problem* (GOP debate, 3-3-16).

К специфическим знакам агрессии, имеющим оскорбительную природу, следует отнести также издевки и передразнивания, которые обнаруживаются практически в каждом публичном выступлении Д. Трампа.

Для иллюстрации деструктивности в коммуникативном поведении Х. Клинтон проведем анализ выступления Х. Клинтон перед избирателями в г. Рено, штат Невада, 25 августа 2016 г.

Вступительная часть речи представляет собой образец реализации стратегии самопрезентации в целях установления контакта с аудиторией и получения социального одобрения. Так, Х. Клинтон заявляет свою принадлежность к людям из «малого бизнеса» (*I want to be a small business president. My father was a small business man*), обещая уменьшить роль бюрократии, ослабить налоги и предоставить малому бизнесу возможности роста (*This week we proposed new steps to cut red tape and taxes to make it easier for small businesses to get the credit they need to grow and hire*). Слово сочетание *small business* используется в кратком вступлении шесть раз. Однако, установив контакт с аудиторией, Х. Клинтон немедленно переходит к реализации основной цели своего выступления — критике политических взглядов своего оппонента Д. Трампа.

Речь построена в форме воображаемого диалога с аудиторией, поддерживающей Д. Трампа, и реализует деструктивную стратегию диффамации в рассматриваемом дискурсе. Напомним, что в широком понимании данный термин обозначает дискредитацию, которая рассматривается как «агональная коммуникативная стратегия, предназначенная для победы над противником в коммуникативном конфликте и пользующаяся этически недопустимыми средствами» (Иссерс, 1999: 45). Отметим, что во избежание обвинений в диффамации Х. Клинтон не использует прямых оскорбительных номинаций в адрес Д. Трампа, описывая его действия с помощью широкого диапазона отрицательно-окрашенной эмотивной лексики:

(25) *From the start Donald Trump has built his campaign on prejudice and paranoia.*

(26) *He is taking hate groups mainstream.*

- (27) *But what he's doing here is more sinister.*
- (28) *Trump took this fringe bigot with a few dozen followers and spread his message to 11 million people.*
- (29) *He promoted the racist lie that President Obama is not really an American citizen...*
- (30) *He described Mexican immigrants as rapists and criminals.*

С одной стороны, Х. Клинтон использует стратегию митигации, которую можно определить как an attribution transfer strategy (Пие, 2004), когда прямая негативная квалификация самого человека (*Трампа — параноик*) трансформируется в описание его действий и слов (*Он построил свою кампанию на параноии*). С другой стороны, подобное не прямое указание на личные качества Д. Трампа является эффективным приемом, подчеркивающим «зловещий» облик оппонента.

Эмоциональную доминанту выступления можно обозначить как «расовая ненависть», и Х. Клинтон обыгрывает ее с помощью различных стилистических приемов. Во-первых, это прием повтора определенной лексики: лексемы с корнем hate- используются в речи пять раз, с корнем race- (*racism, racial discrimination, racial resentment, racist (racist lie, racist comment, racist undertones, racist ideology), racially-tinges rumours, racialists*) — тринадцать раз, *supremacist* — четыре, *bigot/bigotry* — три, *paranoia/paranoid* — четыре, *prejudice* — четыре раза. Столь высокая плотность эмоционально нагруженной лексики в тексте способствует созданию образа Д. Трампа как расиста, шовиниста и параноика, т.е. личности, несовместимой с идеальным образом американского президента.

Во-вторых, одним из наиболее частотных приемов стратегии дискредитации в речи Х. Клинтон выступает метафора. В политическом дискурсе традиционно использование стертых публицистических метафор, основные функции которых — усиление эмоциональной оценочности высказывания и моделирование действительности. Приведем некоторые примеры из рассматриваемого выступления:

- (31) *Trump is reinforcing harmful stereotypes and offering a dog whistle to his most hateful supporters.* — Выражение ‘dog-whistle politics’ обозначает политику со скрытым расистским или националистическим содержанием, аналогия проводится с ультразвуковыми свистками для собак, которые неразличимы для человеческого уха.
- (32) *A man with a long history of racial discrimination, who traffics in dark conspiracy theories drawn from the pages of supermarket tabloids and the far / dark reaches of the internet / should never run our government or command our military.* — Развернутая метафора, в которой реализуется повтор лексемы ‘dark’.
- (33) *The last thing we need in the Situation Room is a loose cannon / who can't tell the difference / or doesn't care to / between fact and fiction / and who buys so easily into racially-tinged rumors.* — Выражение ‘a loose cannon’ обозначает человека, от которого всего можно ожидать, источник повышенной опасности по аналогии с пушкой, сорвавшейся с лафета.

Следующие примеры описывают Д. Трампа как человека, оторванного от реальности, вносящего смуту, жестокого и бесчеловечного:

- (34) *Someone so detached from reality should never be in charge of making decisions that are as real as they come.*

(35) *And don't be distracted by his latest attempts to muddy the waters.*

(36) *He would form a deportation force to round up millions of immigrants and kick them out of the country.*

Х. Клинтон подчеркивает близость взглядов Д. Трампа и В. Путина, открыто называя последнего «крестным отцом крайнего национализма»:

(37) *And the grand godfather of this global brand of extreme nationalism is Russian President Vladimir Putin.* — таким образом, экстраполируя оскорбление на Д. Трампа (*Trump himself heaps praise on Putin and embraces pro-Russian policies*).

В целом, Х. Клинтон стремится создать атмосферу страха и напряженности вокруг личности своего оппонента, посеять сомнения в его нормальности, способности принимать ответственные решения и руководить страной.

4.2. Дискурс реагирования

Деструктивность в дискурсе политиков тесно связана с дискурсом реагирования, т.е. с вербальной и/или невербальной реакцией адресата и третьих лиц (прессы, политологов, широкой аудитории и пр.) на дискурсивные проявления деструктивности. Напомним, что согласно С.Н. Плотниковой, под «дискурсом реагирования» понимается любой дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика (Плотникова, 2005).

Естественная спонтанная реакция на оскорбление — это ответное оскорбление, и этот принцип четко прослеживается в предвыборном «диалоге» Трамп — Клинтон. Так, в ответ на оскорбительное обвинение Д. Трампа “*Hillary Clinton is a bigot who sees people of color only as votes not as human beings worthy of a better future*” Х. Клинтон сначала отвечает достаточно корректно, используя прием сравнения: “*You don't build up coalition by insulting our friends or acting like a loose cannon*”. Однако в последующей речи в Рено Х. Клинтон уже не стесняется в выражении своего отрицательного отношения к Д. Трампу, используя «язык ненависти» (анализ речи приведен нами в предыдущем разделе). Ответной реакцией на оскорбительный выпад может быть также игнорирование деструктивных намерений адресанта и перевод их в иронично-юмористическое пространство. Так, например, Х. Клинтон объясняет, что единственная проблема с ее здоровьем — это аллергия на Д. Трампа:

(38) *Every time I think about Trump I get allergic.*

Реакция аудитории представлена как медиарезонансом, так и высказываниями граждан на форумах, комментариями в сети и т.п. Например, на уже упомянутое обвинение Д. Трампа ведущие СМИ отреагировали волной шока и возмущения. CNN опубликовала видео женщины в аудитории, интерпретировав ее выражение лица как возмущение словами Д. Трампа. На интернет-форумах представлены многочисленные реплики, как оправдывающие оскорбительные выпады Д. Трампа, так и порицающие их.

Несмотря на то, что анализ дискурса реагирования представляет собой тему отдельного исследования, он также может быть включен в анализ деструктивности в политическом дискурсе.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деструктивность в политическом дискурсе интенциональна и реализуется как специфическая стратегия говорящего. Оскорбительные реплики политиков — результат не спонтанного эмоционального всплеска, а тщательно продуманной стратегии понижения статуса оппонента, ухудшения его публичного имиджа.

В проанализированных публичных дебатах и предвыборных выступлениях политиков представлены все признаки деструктивного общения: ряд вербальных и невербальных ключей — показателей прямой и косвенной агрессии.

Сходные черты и средства выражения деструктивного поведения, демонстрируемые кандидатами на пост президента США, обусловлены общей стратегией агональности политического дискурса (борьбы за власть) и интенцией унижения и/или дискредитации политического соперника.

Поведение Д. Трампа характеризуется открытым стремлением к конфронтации, повышенной конфликтностью, высоким градусом экспрессивности и эмоциональности. Деструктивность реализуется при помощи использования речевых актов положительной самооценки, включая хвастовство, и резко отрицательной оценки оппонентов, включая прямые оскорбления, высмеивания, иронию, издевки и унижения.

Х. Клинтон реализует деструктивную интенцию дискредитации соперника при помощи непрямых приемов, переноса ассоциаций, метафор и высокой частотности эмоционально окрашенной лексики.

© Волкова Я.А., Панченко Н.Н., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н.Д. *Дискурс // Языкознание. Большой лингвистический словарь*. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 136—137.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие*. М.: Флинта, Наука, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://profilib.com/chtenie/130642/anatoliy-chudinov-zarubezhnaya-politicheskaya-lingvistika-11.php> (дата обращения: 15.08.2016).
- Волкова Я.А. *Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография*. Волгоград: Перемена, 2014. 324 с.
- Дейк Т.А. ван. *Принципы критического анализа дискурса / пер. с англ. // Перевод и лингвистика текста*. М.: ВЦП, 1994. С. 169—217.
- Добреньков В.И. *Психоаналитическая социология Эриха Фромма*. М.: Альфа-М, 2006. 448 с.
- Добросклонская Т.Г. *Массмедийный дискурс в современной системе дискурсивных практик // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы*. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 106—108.
- Дубровская О.Н. *Сложные речевые события и речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст.* Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. С. 101—106.
- Земская Е.А. *Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи*. М.: Наука, 1988. С. 5—44.
- Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Омск, 1999. 284 с.
- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

- Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
- Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
- Лысак И.В. Человек — разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. 55 с.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
- Манаенко Г.Н. Мир текста и мир дискурса // Предложение и Слово: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. С. 325—331.
- Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография. Волгоград: Перемена, 2010. 395 с.
- Плотникова С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Под ред. В.Н. Базылева, В.Г. Красильниковой. *Политический дискурс в России 8: Святые без житий: материалы постоянно действующего семинара*. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 22—26.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
- Якимович Е.В. Лингвоаксиологический анализ дискурса // Под ред. Н.А. Красавского. *Антропологическая лингвистика*. Волгоград: «Колледж», 2007. Вып. 7. С. 3—11.
- Buss, Arnold (1971). *Aggression Pays. The Control of Aggression and Violence*. NY, London. 18—35.
- Chilton, Paul A. (1994). Politics and Language. In R.E. Asher (Ed.), *The Encyclopedia of Language and Linguistics* (pp. 3214—3221). Oxford, New York: Pergamon Press.
- Dijk, van Teun A. (1972). *Some aspects of text grammars. A Study in theoretical poetics and linguistics*. The Hague: Mouton, 1972.
- Grice, Paul H. (1975). Logic and Conversation. In P. Cole and J.L. Morgan Eds.), *Syntax and Semantics* (pp. 41—58). Vol. 3. New York: Academic Press.
- Hacker, Kenneth L. (1996). Political Linguistic Discourse Analysis. *The Theory and Practice of Political Communication Research*. 28—55. NY: State University of New York Press.
- Harris, Zellig S. (1952). Discourse Analysis: A Sample Text. *Language*. 474—494.
- Hymes, Dell (1977). *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London: Tavistock.
- Ilie, Cornelia (2004). Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach. In P. Bayley (Ed.), *Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse* (pp. 45—86). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Ponton, Douglas M. (2010). The Female Political Leader: a Study of Gender-identity in the Case of Margaret Thatcher. *Journal of Language and Politics*, Vol. 9 (2), 195—218.
- Weiss, Gilbert, Wodak, Ruth (2003). Introduction: Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis. In G. Weiss and R. Wodak (Eds), *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity* (pp. 1—32). Palgrave Macmillan Ltd.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 июня 2016

Дата принятия к печати: 21 сентября 2016

Для цитирования:

Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178.

Сведения об авторах:

Волкова Яна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия. *Сфера научных интересов*: теория коммуникации, коммуникативные категории, деструктивное общение, дискурс-анализ, эмотивность в языке, лингвоэкология. *Контактная информация*: e-mail: yana.a.volkova@gmail.com

Панченко Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия. *Сфера научных интересов*: достоверность в коммуникации, коммуникативные категории, массмедийный дискурс, дискурс-анализ, коммуникативные типы, лингвоэкология, речевые жанры. *Контактная информация*: e-mail: panchnn@yandex.ru

УДК: 811.114.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-160-178

DESTRUCTIVENESS IN POLITICAL DISCOURSE

Yana Volkova, Nadezhda Panchenko

Volgograd State Social-Pedagogical University
27, Lenin Prospekt, Volgograd, Russia, 400066

Destructiveness is among the fundamental discourse categories that play a significant role in the organization of communicative interaction and define the pragmatics of discourse; its study helps to understand some mechanisms and principles of communication, identify strategies and tactics used by a destructive communicative personality. The relevance of this study is determined by the increasing aggressiveness in various types of discourse, and, accordingly, by the need to extend the knowledge of destructive behavior of a communicative personality. The study is based on the theory of discourse-analysis and theory of destructiveness (Z. Harris, T. van Dijk, A. Buss, E. Fromm, D. Ponton, K. Hacker, R. Wodak, N. Arutyunova, V. Karasik, M. Makarov, E. Sheigal et al). Developing the theory of destructiveness and relying on Erich Fromm's research (1973), we specify the concept of "destructiveness" in relation to the political discourse and compare it with the related concept of aggressiveness. The paper analyses the category of destructiveness in modern US political discourse, using excerpts from the speeches of the candidates for presidency of 2016. Particular attention is paid to the dominant destructive intention — to harm the reputation of the opponent and reduce his political chances, as well as to the functions of verbal aggression: on the one hand — to discredit the opponent, bring accusations, on the other hand — to poison the audience mind against him/her and arouse the feeling of danger posed by a political opponent. The analysis of verbal and nonverbal means of destructiveness in the US political discourse is carried out. The article concludes that abusive remarks of politicians do not result from spontaneous emotional outburst, but from an elaborated destructive strategy where the agonistic nature of political discourse stipulates the use of instrumental aggression (Buss, 1971) for the sake of the conquest of power, lowering the opponent's status, deteriorating his/her public image.

Key words: political discourse, destructiveness, aggression, destructive communication, discursive strategy, discursive category

REFERENCES

Arutyunova, N.D. (1998). *Diskurs* [Discourse]. *Yazykoznanie*. Bol'shoj lingvisticheskij slovar'. Moscow: Bol'shaya Ros. Ehntsikl, 136—137. (In Russian).

- Budaev, E.H.V., Chudinov, A.P. (2008). *Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika* [Foreign political linguistics]. Moscow: Flinta, Nauka. Retrieved from: <http://profilib.com/chtenie/130642/anatolij-chudinov-zarubezhnaya-politicheskaya-lingvistika-11.php> on 15.08.2016. (In Russian).
- Buss, Arnold (1971). Aggression Pays. *The Control of Aggression and Violence*. NY, London, 18—35.
- Chilton, Paul A. (1994). Politics and Language. In R.E. Asher (Ed.), *The Encyclopedia of Language and Linguistics* (pp. 3214—3221). Oxford, New York: Pergamon Press.
- Dijk, van Teun A. (1972). *Some aspects of text grammars. A Study in theoretical poetics and linguistics*. The Hague: Mouton, 1972.
- Dejk, T.A. van. (1994). Principles of critical discourse analysis. *Perevod i lingvistika teksta*. Moscow: VTSP. 169—217. (In Russian).
- Dobren'kov, V.I. (2006). *Psikhoanaliticheskaya sotsiologiya EHrikha Fromma* [Psychoanalytic sociology of Erich Fromm]. Moscow: Al'fa-M. (In Russian).
- Dobrosklonskaya, T.G. (2014). Massmedijnyj diskurs v sovremennoj sisteme diskursivnykh praktik [Mass media discourse in the modern system of discursive practices]. *Diskurs kak sotsial'naya deyatel'nost': priority i perspektivy*. Moscow: FGBOU VPO MGLU. S. 106—108. (In Russian).
- Dubrovskaya, O.N. (1999). Slozhnye rechevye sobytiya i rechevye zhanry [Complex speech event and speech genres]. *Speech genres*. Saratov: Izd-vo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo tsentra «Kolledzh». 101—106. (In Russian).
- Fromm, E.H. (1994) *The Anatomy of Human Destructiveness*. Moscow: Respublika. (In Russian).
- Grice, Paul H. (1975). Logic and Conversation. In P. Cole and J.L. Morgan Eds.), *Syntax and Semantics* (pp. 41—58). Vol. 3. New York: Academic Press.
- Hacker, Kenneth L. (1996). Political Linguistic Discourse Analysis. *The Theory and Practice of Political Communication Research* (pp. 28—55). NY: State University of New York Press.
- Harris, Zellig S. (1952). Discourse Analysis: A Sample Text. *Language*. P. 474—494.
- Hymes, Dell (1977). *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London: Tavistok.
- Ilie, Cornelia (2004). Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach. In P. Bayley (Ed.), *Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse*, 45—86. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Issers, O.S. (1999). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Omsk. (In Russian).
- Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concept, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. (In Russian).
- Kunitsyna, V.N., Kazarinova, N.V., Pogol'sha, V.M. (2001). *Mezhlichnostnoe obshhenie* [Interpersonal communication]. St. Petersburg: Piter. (In Russian).
- Leontovich O.A. (2011) *Metody kommunikativnykh issledovanij* [Methods of communicative researches]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Lysak, I.V. (1999). *CHelovek — razrushitel': destruktivnaya deyatel'nost' cheloveka kak sotsiokul'turnyj fenomen* [Man as a destroyer: destructive human activity as socio-cultural phenomenon]. Taganrog: Izd-vo TRTU. (In Russian).
- Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow: ITDGGK «Gnozis». (In Russian).
- Manaenko, G.N. (2008). *Mir teksta i mir diskursa* [The world of text and the world of discourse]. *Predlozhenie i Slovo*. Saratov: Izdatel'skij tsentr «Nauka». 325—331. (In Russian).
- Panchenko, N.N. (2010) *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Authenticity as communicative category]. Volgograd: Peremena. (In Russian).

- Plotnikova, S.N. (2005). Politik kak konstruktor diskursa reagirovaniya [Politician as a creator of response discourse]. *Politicheskij diskurs v Rossii 8: Svjatye bez zhitij* / pod red. V.N. Bazyleva, V.G. Krasil'nikovoj. Moscow: MAKS Press. 22—26. (In Russian).
- Ponton, Douglas M. (2010). The Female Political Leader: a Study of Gender-identity in the Case of Margaret Thatcher. *Journal of Language and Politics*, Vol. 9 (2), 195—218.
- Shejgal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Volkova, YA.A. (2014). *Destruktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte* [Destructive communication in cognitive and discursive aspects]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Weiss, Gilbert, Wodak, Ruth (2003). Introduction: Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis. In G. Weiss and R. Wodak (Eds), *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*, 1—32. Palgrave Macmillan Ltd.
- Yakimovich, E.V. (2007). Lingvoaksiologicheskij analiz diskursa [Linguistic analysis of discourse]. *Anthropological linguistics* / pod red. prof. N.A. Krasavskogo. Volgograd: «Kolledzh». Vyp. 7. 3—11. (In Russian).
- Zemskaya, E.A. (1988). Gorodskaya ustnaya rech' i zadachi ee izucheniya [Urban Russian language and aims of its study]. *Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi*. Moscow: Nauka. 5—44. (In Russian).

Article history:

Received: 16 June 2016

Revised: 01 September

Accepted: 21 September 2016

For citation:

Yana Volkova, Nadezhda Panchenko (2016). Destructiveness in Political Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 161—178.

Bio Note:

Yana A. Volkova, Doctor of Philology, professor, Chair of Linguistics, Volgograd State Social-Pedagogical University, Volgograd, Russia. *Research Interests*: theory of communication, communicative categories, destructive communication, discourse analysis, emotiveness in language, linguoecology. *Contact Information*: e-mail: yana.a.volkova@gmail.com

Nadezhda N. Panchenko, Doctor of Philology, professor, Head of Chair of Linguistics, Volgograd State Social-Pedagogical University, Volgograd, Russia. *Research Interests*: authenticity of communication, communicative categories, discourse of mass media, discourse analysis, communicative types, linguoecology, speech genres. *Contact Information*: e-mail: panchnn@yandex.ru